

ния на рисунках представлена железной, тогда как на самом деле она была крыта черепицей» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 84. Л. 11]. В очерке 1935 г. Инна Ивановна писала, что здание Кунсткамеры 1741 г. «отличалось от современного и было несомненно красивее его. Красили его подъезды, большой средний и два малых боковых, длинное окно над средним подъездом, карнизы боковых частей, статуи в наружных нишах и особенно более высокая башня <...> Возвышавшаяся над зданием трехэтажная часть башни состояла из двух первых каменных этажей с галереями и последнего деревянного, заканчивавшегося фонарем» [СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 89. Л. 12].

Говоря о музее конца XVIII в., Любименко справедливо отмечает, что в протоколах Конференции этого периода слово «кунсткамера» почти пропадает, заменяясь названиями отдельных кабинетов: минералогического, анатомического, зоологического, — что было следствием развития науки и естественной специализации или, как писала И.И. Любименко, расслоения коллекций академического музея.

В заключении своего очерка И.И. Любименко указывает на тесную связь истории Кунсткамеры с переломными моментами истории самой Академии наук, которые в свою очередь связаны с историей страны. Основанное на богатейшем архивном материале, концептуальное по своему характеру исследование И.И. Любименко и сегодня представляет большой интерес для тех, кто интересуется историей Кунсткамеры.

Библиография

- Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988.
Любименко И.И. К истории постройки здания Кунсткамеры Академии наук в XVIII столетии // Вестник АН СССР. 1934. № 7. С. 51–58.

С.А. Корсун

СОВЕЩАНИЕ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДОВ СЕВЕРА 1940 ГОДА

В 1921–1924 гг. состоялась знаменитая датская Пятая экспедиция Туле под руководством Кнута Рассмусена (1879–1933). Ее участники изучили десятки групп эскимосов арктического побережья Северной

Америки от Гудзонова залива на востоке до Берингова пролива на западе. К. Рассмусену стало понятно, что для выяснения проблемы этногенеза эскимосов также необходимо провести исследования в Сибири.

В августе 1924 г. в Швеции и Голландии состоялся XXI Международный конгресс американистов. На этом конгрессе датские ученые К. Биркет-Смит и Т. Матиассен поставили вопрос о проведении археологических исследований на Чукотке. В 1925 г. без согласований с советскими властями К. Рассмусен пересек Берингов пролив и самостоятельно провел археологическую разведку на мысе Дежнева. В 1926 г. К. Биркет-Смит приехал в Ленинград для изучения коллекций по азиатским эскимосам. В 1927 г. В.Г. Богораз организовал Чукотскую этнографическую экспедицию и отправил для проведения полевых исследований среди азиатских эскимосов А.С. Форштейна.

С сентября по декабрь 1928 г. В.Г. Богораз находился в США для участия в работе XXIII Международного конгресса американистов. В конце сентября 1928 г. в Американском музее естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) В.Г. Богораз участвовал в Международном совещании по изучению народов Арктики, на котором присутствовали К. Уисслер от АМЕИ, А. Хрдличка от Смитсоновского института Вашингтона, канадский этнолог и археолог Д. Дженнесс, Э. Норденшельд из Швеции и трое датчан: В. Тальбицер, К. Биркет-Смит, Т. Матиассен. На совещании говорилось о необходимости организовать этнографические экспедиции в неисследованные районы Сибири и о том, что американские музеи готовы профинансировать их проведение. В.Г. Богораз отметил: *«На совещании были предложены денежные средства для устройства иностранных экспедиций в с.-в. сибирские области, вполне самостоятельно или совместно с учеными из СССР.»*

Проф. Богораз твердо отстаивал иную точку зрения и говорил, что области и народы СССР должны быть изучаемы усилиями наших собственных ученых. Говорил о том, что в последние годы, начиная с 1925 года, это изучение производится в плановом порядке и в размерах все более широких...» [Богораз 1929: 105].

После этого совещания деловые связи советских и зарубежных специалистов по этногенезу народов Севера были прерваны на длительный срок. Несмотря на многочисленные приглашения, советские этнографы и археологи не принимали участие в работе Международных конгрессов американистов 1930, 1932 и 1934 гг., Тихоокеанского международного конгресса 1932 г., Международных конгрессов антропологических и этнографических наук 1934 и 1938 гг. Лишь в 1936 г. В.Г. Богоразу и К. Биркет-Смиту все же удалось организовать для А.С. Форштейна

трехмесячную стажировку в Дании, но уже в мае 1937 г. его арестовали по обвинению в шпионаже и приговорили к расстрелу, который позже заменили десятью годами лагерей.

Несмотря на «железный занавес», советские ученые пытались внести свой вклад в изучение этногенеза народов Севера в связи с проблемой заселения Америки. В 1935 г. МАЭ организовал две этнографо-археологические экспедиции — в район Амура и в Западную Сибирь. К.В. Вяткина писала: *«Развертываемая в текущем году работа на советском Севере должна явиться своеобразным “продолжением” работ американских ученых на американском Севере, а также “продолжением” археологических экспедиций на Аляске. Северные археологические экспедиции должны обогатить советскую науку новыми исключительно ценными материалами и открытиями, проливающими свет на исторические судьбы древнейшего населения, жившего на территории Сибири в эпоху “каменного века” и более поздние периоды. В связи с решением этой проблемы стоит и другая не менее важная проблема, касающаяся происхождения американского человека, над которой работают датско-американские археологи. Группа выдающихся американских ученых неоднократно указывала на своевременность археологических и антропологических работ на крайнем Севере СССР, так как здесь, по их мнению, находится ключ к разрешению важнейших проблем азиатско-американского населения в далеком прошлом»* [Вяткина 1935: 116].

В 1937, 1938, 1939 гг. Советский Союз посетил А. Хрдличка, а в 1938 г. американский археолог Ф. Рейни. На протяжении более десяти лет американские и датские ученые посылали руководству МАЭ и АН СССР письма, в которых призывали провести совместные исследования для изучения проблемы этногенеза эскимосов и происхождения американского человека. Неоднократные обращения А. Хрдлички, Ф. Рейни, К. Биркет-Смита в конечном итоге привели к положительному результату. В конце 1938 г. К. Биркет-Смиту удалось заключить предварительное соглашение с руководством АН СССР о создании датско-советского Международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Субарктики.

Во второй половине 30-х годов XX в. в связи с подготовкой много-томного издания «Истории СССР» встал вопрос о научном освещении проблемы этногенеза славян. Особую актуальность разработке вопросов этногенеза народов СССР придавала возникшая в Германии теория «арийской расы». В 1939 г. при Отделении истории и философии Академии наук в Москве создали Комиссию по этногенезу под председа-

ством члена-корреспондента историка Александра Дмитриевича Удальцова (1883–1958). Создание различных комиссий по новым направлениям научных исследований было обычной практикой в АН. По завершению работы комиссию закрывали или создавали на ее основе самостоятельное НИИ.

28–29 мая 1940 г. Комиссия по этногенезу провела конференцию по изучению этногенеза народов Сибири и проблеме заселения Америки — Совещание по этногенезу народов Севера. Председателем совещания избрали заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ Сергея Павловича Толстова (1907–1976). На конференции были представлены доклады практически всех советских ученых, кто хоть в какой-то мере занимался этногенезом народов Сибири: археологов А.М. Золотарева, А.П. Окладникова, В.Н. Чернецова, Т.А. Трофимовой, антропологов М.С. Плисецкого, Г.Ф. Дебца, Н.Н. Чебоксарова, этнографа С.А. Токарева и других. От МАЭ/ИЭ участие в «совещании» приняли академик В.В. Струве, заведующий отделом Сибири Г.Н. Прокофьев, который *«наметил проблему связи самодийских и эскимосских племен»*. Кроме того, в виде доклада была представлена статья сотрудника отдела Америки А.В. Мачинского. Всего на конференции присутствовало около сорока человек.

А.М. Золотарев выступил с докладом, подготовленным на основе своей публикации «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии» [Золотарев 1938]. Он писал: *«Археологические раскопки, производившиеся на Аляске и островах Берингова пролива на протяжении последних десяти лет различными американскими институтами, принесли необыкновенно плодотворные результаты. Собраны обильные материалы, позволившие заглянуть в далекое прошлое Аляски и северо-востока Азии и открывшие перед наукой новые, чрезвычайно заманчивые горизонты. Проблема происхождения американского человека и заселения американского континента, представлявшая до сих пор область отвлеченных гипотез и спекуляций, переводится новыми исследованиями на твердую почву фактов»* [Там же: 73].

В примечаниях к статье А.М. Золотарев развивал идею о сходных элементах в культурах чукчей и эскимосов с народами района Амура: *«Береговые чукчи также верили в хозяйку моря, которой они приносили регулярно жертвы. Они представляют ее в виде могущественной женщины, живущей на дне моря, и называют ее “мать моржей” <...> Древнейшими чертами этого мифологического комплекса являются: 1) вера в хозяйку, мать моря, живущую на дне моря в юрте, 2) владеющую всеми морскими зверями и рыбою, которые содержатся у нее*

в юрте и время от времени выпускаются ею в море, 3) в жертву ей приносят собак. Последний момент, очевидно, связан с частью комплекса, присущего целому ряду народов побережья Тихого океана, в том числе эскимосам, айнам, малайцам. Мужем морской богини эти народы считают собаку, которую и отправляют к ней во время жертвоприношений коряки, гилаки, чукчи. Такие же представления существуют у ульчей. Таким образом, комплекс “морской богини” прослеживается, хотя и в менее развитой, чем у эскимосов, форме, вплоть до Амура» [Золотарев 1938: 87].

Как отмечалось, А.В. Мачинский не участвовал в работе конференции, но в сборнике ее материалов опубликовали его статью «Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове» [Мачинский 1941]. Вероятно, первоначально он готовил эту статью как доклад для II МКАЭН в Копенгагене, который состоялся в 1938 г. Ее тема не связана с научными интересами А.В. Мачинского, но напрямую связана с проблемой этногенеза эскимосов. В статье А.В. Мачинский проанализировал результаты исследований американских археологов и сделал описание двух небольших археологических коллекций по азиатским эскимосам из собрания ГМЭ. Он пришел к выводу, что «материалы, собранные во время последних археологических исследований на Аляске и островах Берингова пролива, дают нам полное право возражать против построений Боаса, Стинсби и Биркет-Смита о том, что Аляска в древности была заселена эскимосами из центральных районов Канады» [Там же: 80].

Археолог В.Н. Чернецов, говоря о древнем населении верховий Оби и полуострова Ямала, отметил: «Для западно-приморско-арктической культуры, как и для восточной [эскимосской. — С.К.] были характерны: развитой морской зверобойный промысел (особенно моржа); оседлые поселения в землянках, у самого берега моря, чаще всего на мысах и в устье рек; изобилие костяных изделий и глиняная посуда; употребление кожаного каяка типа эскимосского; применение в охоте на морского зверя костяного гарпуна; местами применение костей кита в строительном деле» [Чернецов 1941: 22]. Эта гипотеза о культурных связях предков ненцев и эскимосов, позднее многократно опровергнутая, оказалась настолько привлекательной, что американские археологи принимали участие в экспедициях на Ямал даже в 90-е годы XX в.

Во время обсуждения докладов активно выступали А.П. Окладников и А.М. Золотарев, последний считал, что «выдвинутая Окладниковым концепция развития прибайкальского неолита от охотничьей культуры (исаковско-серовской) к рыболовческой (китойско-глазовской) ошибочна <...> С.В. Киселев присоединился к основным возражениям

А.М. Золотарева, указав, что нет оснований говорить о преобладании охоты в исаковское и серовское время <...> Точно так же С.А. Токарев указал, что доклад Окладникова не поколебал схемы Биркет-Смита и Золотарева, ибо он не в состоянии показать возникновение оленеводства из рыболовецкой культуры и объяснить, почему якобы бродячие охотники — серовцы и исаковцы — имели обильную керамику» [Обзор прений 1941: 129]. В дальнейшем А.П. Окладников не изменил свою точку зрения на этногенез народов Сибири и в 1958 г. передал в НМД артефакты исаковского, серовского, китойского и глазковского этапов из археологических памятников района Прибайкалья [Левин, Окладников 1959: 149].

Поводя итоги конференции, С.П. Толстов отметил: *«Доклад А.М. Золотарева показал связь эскимосской культуры Америки с древними культурами арктических охотников азиатского побережья Ледовитого океана и дал убедительную картину формирования чукотского и корякского народов на фоне хозяйственного развития арктических приморских охотников, перешедших под влиянием оленеводческих народов тайги и тундры северо-восточной Сибири к оленеводству. Немалый интерес для этногенеза народов Америки представляет и упомянутый доклад гг. Трофимовой и Чебоксарова, выявивших среди антропологических типов манси тип, во многом близкий к американским индейцам. Нахождение этого типа на крайнем северо-западе Сибири является новым серьезным аргументом в пользу тесной исторической связи коренного населения Америки с народами Советского Союза» [Толстов 1941: 4].*

По результатам совещания запланировали провести от Института антропологии при МГУ и московского отделения ИИМК Северо-восточную экспедицию для комплексного изучения азиатских эскимосов. На конференции присутствовало несколько достойных кандидатов, которые могли бы возглавить полевые исследования на Чукотке: Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, А.М. Золотарев. Однако С.П. Толстов, используя положение председателя конференции, выдвинул кандидатуру своего бывшего коллеги по Музею народов СССР антрополога М.Г. Левина, его и утвердили руководителем будущей экспедиции. В свою очередь М.Г. Левин привлек к ее организации своего друга И.П. Лаврова, который в то время работал на Чукотке. Планировалось, что Северо-восточная экспедиция состоится летом 1941 г.

В декабре 1942 г. Комиссия по этногенезу вошла в состав московской части Института этнографии. С этого времени именно в Институте этнографии велась работа по организации Северо-восточной экспеди-

ции (Чукотской экспедиции). Причем о совместной экспедиции с ИИМК речь уже не шла. Задачи были разделены, каждый из институтов должен был провести самостоятельные исследования: ИЭ — антропологические, а ленинградский ИИМК — археологические. В конечном итоге было проведено четыре экспедиции: антропологическая Г.Ф. Дебеца на Чукотку и Камчатку в 1945–1947 гг., археологическая С.И. Руденко на Чукотку в 1945 г., археологическая А.П. Окладникова в район Колымы в 1946 г., антропологическая М.Г. Левина в район Амура и на остров Сахалин в 1947 г.

М.Г. Левин писал о полевых исследованиях Г.Ф. Дебеца: *«Чукотская экспедиция должна явиться продолжением Джекзуповской экспедиции, прославившейся замечательными работами русских этнографов Богораза и Йохельсона. Центральной темой является проблема древнейших связей Северо-восточной Азии и Северной Америки и первоначального заселения американского континента. С февраля [с апреля. — С.К.] 1945 г. на Чукотке работает рекогносцировочный отряд в составе начальника экспедиции Г.Ф. Дебеца и научного сотрудника Института художественной промышленности И.П. Лаврова [И.П. Лавров входил в состав экспедиции С.И. Руденко. — С.К.]»*

Г.Ф. Дебецем антропологически обследованы различные группы: оленные чукчи разных районов, береговые чукчи северного и восточного побережья, эскимосы ряда селений, в том числе и эскимосы о-ва Диомида, а также ламуты Чукотского полуострова (всего свыше 800 человек)» [Левин 1946: 235].

Библиография

Богораз В.Г. Международное совещание по плану устройства экспедиций в полярной зоне // Этнография. 1929. № 1. С. 103–107.

Вяткина К.В. Экспедиции Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР 1935 г. // СЭ. 1935. № 3. С. 116.

Золотарев А.М. Из истории этнического взаимодействия на северо-востоке Азии // Известия Воронежского педагогического института. 1938. № 4. С. 73–87.

Левин М.Г. Полевые исследования Института этнографии в 1945 г. // СЭ. 1946. № 1. С. 235–238.

Левин М.Г., Окладников А.П. Международная конференция в Копенгагене по археологии и антропологии Арктики // СЭ. 1959. № 2. С. 148–156.

Мачинский А.В. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 80–89.

Обзор прений на совещании по этногенезу народов Севера // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 129–132.

Толстов С.П. Доклады на совещании Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии. Итоги совещания по этногенезу народов севера // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 3–5.

Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 18–28.

Л.С. Лаврентьева

ПРЯНИЧНЫЕ ДОСКИ В КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ

Пряничные доски являются украшением многих музеев. Значительное количество их представлено как на экспозициях, так и в фондах. Большая часть досок из этих коллекций уже стала объектом специальных исследований [Черняховская 1971: 88–107, Смусин 1976: 98–103].

Есть пряничные доски и в старейшем Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН). Эти коллекции до сих пор не попали в поле зрения исследователей и поэтому неизвестны специалистам. Большая часть пряничных досок, находящихся в фонде МАЭ РАН, была собрана корреспондентами Императорского Русского географического общества (ИРГО) в середине XIX в. и поступила в Музей антропологии и этнографии в результате передачи коллекций из ИРГО в 1891 г. при расформировании музея. В 1897 г. Музей антропологии и этнографии работал в усиленном режиме. Надо было регистрировать новые коллекции и взяться за разборку собрания, поступившего из Музея Императорского Русского географического общества. Для разборки вещей даже вынуждены были закрыть музей. Кроме Ф.К. Руссова, Д.А. Клеменца и Е.Л. Петри работой по регистрации предметов занимался и директор музея В.В. Радлов. Тогда удалось только пронумеровать предметы, кратко их описать и составить списки [ПОАРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 53. Л. 10–13].

Как указывалось выше, собирателями пряничных досок были корреспонденты Императорского Русского географического общества. Среди них известный купец, археолог, писатель П.И. Гундобин (колл. 367, 368) и собиратель, который захотел остаться неизвестным, до нас дошли